

Ключъ къ міру духовъ.

Во всѣ времена и эпохи выдавались люди, которые славились общеніемъ съ духами, въ особенности съ душами умершихъ людей и отъ нихъ старались узнавать все грядущее. И во всѣ времена опять будутъ такіе люди, которые будутъ усердно стремиться къ такому общенію и сильно желать его, несмотря на то, что люди слѣпо вѣрящіе въ свободныя изслѣдованія и научныя открытія доказываютъ намъ, что душа умершаго не имѣетъ реальнаго образа и принять его не можетъ, они говорятъ: какъ дерево упало, такъ и лежитъ оно, и это конечно голая трезвая истина.

Печально, очень печально все-таки было бы для нашей души, если бы мы, черезчуръ полагаясь на наши познанія, на всегда отверглись отъ прекраснаго духовнаго міра нашего Отца! Наши предки, передъ великой и всемогущей природой, съ ея страшными сверхестественными явленіями стояли въ изумленіи и восторгѣ и дрожа падали передъ ней на колѣни;—они передъ природой чув-

ствовали себя безпомощными и слабыми и какъ легко не объяснялись всѣ видѣнныя ими явленія стремились отыскать въ нихъ дѣйствія злыхъ духовъ, которые представлялись имъ реальными существами.

Небо и земля, воздухъ, огонь и вода, поля и лѣса по ихъ убѣжденію были населены духами—всякаго рода сверхестественными существами. Несмѣтные рои добрыхъ, свѣтлыхъ эльфовъ, въ волшебномъ сіяніи и лучезарныхъ одѣяніяхъ наполняли воздушное пространство; на горахъ и въ пещерахъ жили горныя эльфы; въ глубинѣ земли дѣйствовали и проявляли свои силы черныя гномы—незнающіе усталости, въ водѣ дразнили русалки, даже въ каждой цвѣточной чашечкѣ, въ каждой травинкѣ обитало хоть нѣсколько маленькихъ духовъ и даже въ самомъ жилищѣ человѣка хозяйничали крошечные духи очага.

Гдѣ движеніе тамъ жизнь, гдѣ жизнь тамъ какой нибудь духъ, такъ предполагали наши предки и отъ такого объясненія жизни природы развился и выросъ тотъ міръ вѣры, который нельзя найти у другихъ народовъ, въ періодъ его язычества.

Здѣсь одна изъ самыхъ яркихъ и прекраснѣйшихъ поэзій выступаетъ передъ нами въ ложномъ міропониманіи нашихъ отцовъ. Неужели вы не найдете въ этомъ поэзію?

Когда въ знойный часъ полудня, полный солнечныхъ лучей воздухъ дрожитъ

надъ лугами, когда жужжанье пчелы и пѣнье птицъ плѣняетъ чутко прислушивающееся ухо, когда жаворонки съ пѣніемъ поднимаются въ высь къ небу, когда разноцвѣтныя бабочки порхаютъ надъ полевыми цвѣтами, а золотисто-зеленые жучки ползутъ черезъ дорогу, когда на поляхъ точно зачарованные колышутся ржаныя колосья, когда листья на деревьяхъ таинственно шепчутся между собой и вѣтви колеблемыя вѣтромъ грозно шумятъ, когда лѣсныя озера сверкаютъ отъ солнечныхъ лучей, а ручейки звеня катятся черезъ камни, тогда древній германецъ видѣлъ въ этой таинственно-богатой и своеобразной жизни господство свѣтлыхъ духовъ. И когда сквозь зеленую чащу лѣса совершаетъ свой путь свѣтлый дискъ дневного свѣтила, напоя цвѣты лѣса оживляющимъ свѣтомъ, когда отъ колебаній вѣтвей блѣдныя лучи прыгаютъ отъ листа къ листу и какъ въ шаловливой игрѣ ловятъ другъ друга, тогда племя духовъ танцуетъ. Когда же ночной вѣтеръ, съ ревомъ и свистомъ гонитъ по небу облака и подъ его напоромъ вѣтви лѣсныхъ гигантовъ гнутся съ страшнымъ кряхтѣньемъ, когда крики совъ и филиновъ, завыванье волковъ и ревъ медвѣдя, пугая, достигаютъ слуха одинокаго путника — тогда Воданъ со своимъ войскомъ совершаетъ на сѣрыхъ облачныхъ коняхъ свое путешествіе.

Для насъ большое искушеніе, съ лю-

бовью и вниманіемъ слѣдить за мыслями и міропониманіемъ нашихъ предковъ, но это слишкомъ отклонило бы насъ въ сторону отъ намѣченной нами цѣли. Поэтому мы можемъ лишь немного освѣтить глубокій взглядъ на природу тонко чувствовавшихъ язычниковъ и если бы намъ удалось хоть немного заинтересовать читателя этими старыми вѣрованіями—цѣль наша хоть отчасти была бы достигнута.

Не смотря на нашъ матеріализмъ и все безвѣріе нашихъ дней, въ насъ все же остался впитанный лѣсной ароматъ, много настоящаго идолопоклонства; для этого нужно лишь видѣть набожнаго дровосѣка, когда онъ передъ выбраннымъ и намѣченнымъ для срубки дерева умоляетъ его о прощеніи; потому что, когда топоръ вонзается въ древесный стволъ, когда остріе пилы рѣжетъ его, тогда съ плачемъ отлетаетъ отъ него эльфъ и нехотя оставляетъ дерево свою жизнь,—оно вздыхаетъ при каждомъ ударѣ и каждая рана причиняетъ ему боль и со стономъ падаетъ оно къ землѣ. Также, когда обдираютъ съ дерева кору—должна умереть древесная нимфа. Къ можжевельнику, къ дереву женщины Ольды, мужикъ питаетъ священный страхъ.

„Передъ можжевельнымъ кустомъ
Мужикъ снимаетъ шапку“...

И еще совсѣмъ недалеки времена, когда мужикъ желая срѣзать вѣтку можже-

вельника, на колѣняхъ съ обнаженной головой и простертыми къ нему руками, просилъ на то его разрѣшенія.

Пусть дерзкой рукой нѣкоторые пытаются снять легкій покровъ съ природы, которымъ прикрыла ее поэзія ушедшихъ вѣковъ; сухое ученіе физическаго матеріализма всегда остается вѣрнымъ себѣ.

Но стоитъ лишь человѣку склонить свою голову на лоно вѣчнаго покоя, какъ пережившіе его не въ состояніи вѣрить въ смерть, имъ кажется невѣроятнымъ, что дорогой имъ усопшій навсегда ушелъ отъ нихъ и что онъ вообще умеръ и на этомъ ихъ непримиреніи, построена вѣра въ безсмертіе души.

Воданъ господинъ и отецъ побѣды все равно вновь соберетъ воиновъ павшихъ на Вальстатѣ, въ Вальгалу на пиръ и военные потѣхи, поэтому съ поразительнымъ равнодушіемъ, съ изумительной готовностью къ смерти, шелъ германецъ на битву, окрыленный твердой какъ скала увѣренностью, что павъ, онъ встанетъ для новаго быта и отправится къ Водану и совсѣмъ не должны оплакивать и рыдать надъ умершимъ оставшіеся въ живыхъ. Мы напомнимъ лишь здѣсь всѣмъ извѣстный, трогательный рассказъ о „сосудѣ слезъ“.

...У одной молодой матери умерло ея единственное боготворимое ею и дорогое дитя; она выплакала свои глаза и никакъ

не могла утѣшиться. Каждую ночь бѣгала она къ гробу дорогого дитяти и рыдала надъ нимъ такъ, что кажется камень могъ проникнуться жалостью. Въ ночь на канунъ дня богини Берхты, она увидѣла богиню, какъ она со своими эльфами перебиралась черезъ огороженный изгородью лугъ, возлѣ ея дома,—богиня перешла плетень, а маленькія усердно карабкались за нею. Но одинъ эльфъ въ насквозь промокшей рубашкѣ съ сосудомъ воды въ рукахъ, который онъ долженъ былъ таскать отъ необычайной усталости не могъ слѣдовать за другими и остался одинъ. Со скорбью стоялъ онъ у плетня и тутъ мать узнала въ немъ оплакиваемого любимца,—она подбѣжала къ нему и приподняла его надъ изгородью. И когда дитя было у нея на рукахъ, любовь ея къ нему проснулась въ груди съ удвоенной силой,—она обняла его и такъ крѣпко прижала къ себѣ, точно желая его задушить. Тогда малютка заговорила: „ахъ, какъ тепло и мягко въ материнскихъ объятіяхъ! Но не плачь такъ много, мама, потому что своимъ плачемъ ты усиливаешь тяжесть моего сосуда. Всѣ слезы, которыя ты проливаешь изъ за меня—я долженъ собирать въ этотъ кувшинъ, а онъ давно ужъ переполнился,—смотри вотъ какъ промокла моя рубашка...“ Тогда мать сильно поплакала еще разъ и отпустила свое дитя отъ себя; больше она ужъ не пролила ни одной слезы и нашла утѣ-

шеніе въ мысли о томъ, что свидится вновь съ нимъ.

Ну, а кто не знаетъ чудно-прекрасную пѣсню Эдды про Гельшъ Гундингсбана?

Храброе сердце Гельшъ было поражено смертельнымъ ударомъ Дага—брата его горячо-любимой Сигруны. Скорбь Сигруны, по ея супругу, была безгранична, но вернуть уже ушедшую жизнь она не могла. Туда, такъ туда! Потеряно, такъ потеряно! Такъ дала она насыпать могильный курганъ и въ немъ устроить гробницу; собственными руками приготовила она ложе вѣчнаго покоя мертвому герою, но сдѣлала его достаточно широкимъ, чтобы и она нашла себѣ на немъ мѣсто, когда смерть призоветъ ее къ своему супругу. И цвѣты посадила она на могильномъ холмѣ и обильно орошала ихъ потоками слезъ. День и ночь и еще день и ночь просидѣла она на могилѣ, не принимая пищи, не зная сна. И тогда, довѣривъ охрану дорогой могилы своей дѣвушкѣ, она ушла чтобы хоть немного отдохнуть. И когда она ушла, прискакалъ мертвый герой и приказалъ дѣвушки сказать своей госпожѣ, что онъ пришелъ просить ее облегчить боль его ранъ. На крыльяхъ любви и преданности спѣшитъ Сигруна въ гробницу, къ своему вернувшемуся супругу и раньше чѣмъ онъ могъ сорвать съ себя свои пропитанные кровью повязки, она бросилась ему на шею, цѣловала вновь найденнаго и плакала, что

такъ холодны его руки, и самъ онъ весь промокъ отъ туманной сырости гробницы. А Гельшъ сказалъ: „Сигруна, моя жена, это ты сама въ этомъ виновата; вѣдь это ты оторвала меня отъ блаженства Вальгалы, это ты виновата что я изнываю отъ грусти. Ты пролила прекрасныя, горячія слезы, раньше чѣмъ пошла спать и каждая слеза, которую ты пролила падала горько-кровавой каплей мнѣ на грудь и какъ холодная сталь вонзалась въ мое израненное сердце. А для меня ужъ было перестали болѣть раны. Я пилъ съ героями прекраснѣйшій медъ, но тутъ твой плачь и скорбь твоя вновь призвали меня къ ужасамъ могилы—полной смрада-разложенія. Нѣтъ, никто не долженъ плакать, когда другъ его умеръ,—онъ все равно живетъ въ свѣтлыхъ покояхъ Одина.

Тогда я больше не буду плакать, возлюбленный мой, сказала Сигруна; на груди твоей буду я покоиться, какъ когда ты былъ живъ, царь мой!.. И Гельшъ, почувявъ всю силу этой любви, которую даже смерть не могла расторгнуть, воззвалъ радостно: „осуществилось то, что никто никогда не предвидѣлъ: прекрасная дочь Гагни, живая, покоится въ обятіяхъ усопшаго“. Такъ прогрезили они до зари и тогда Гельшъ воскликнулъ: „время настало отправиться мнѣ въ прежній путь, и летѣть на желтомъ облакѣ, воздушной дорогой. Къ Востоку долженъ я стоять у моста Виндгельма, раньше чѣмъ пѣтухъ своимъ

пѣніемъ разбудить героевъ отца войска“. Онъ уѣхалъ со своими провожатыми облачной дорогой, а Сигруна вернулась домой къ своему опустѣвшему очагу. Вечеромъ она ждала вновь возвращенья своего возлюбленнаго, но ждала его напрасно; не долго однако просидѣла она, охая и вздыхая, на могильномъ курганѣ; сердце ея разорвалось отъ скорби разлуки съ любимымъ и скоро почилъ она рядомъ съ нимъ, въ любви, какъ прошедшимъ вечеромъ.

Довольно часто, души умершихъ выступаютъ какъ духи домашняго очага и защитники его. Мы напомнимъ здѣсь для примѣра, про „бѣлую даму“, которая до сихъ поръ еще расхаживаетъ по многимъ замкамъ, но ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Въ этомъ самымъ нагляднымъ образомъ выражается вѣра въ безсмертіе души по отношенію къ фюльгіямъ, которыя являются духами покровителями и слѣдуютъ за человѣкомъ во всю его жизнь, отъ перваго, до послѣдняго ея мига. Когда онѣ разстанутся съ нимъ—это признакъ смерти этого человѣка.

Когда боги древнихъ германцевъ, позднѣе пали отъ прихода посланцевъ блѣднаго человѣка, съ береговъ Мертваго моря, часто благодаря хитрости и насилію, восточное вѣроученіе Христа стало „единоспасающимъ“ тогда вслѣдъ за черными рясами, пришли и отвратительные духи, вѣдьмы, черти п

этимъ обогащеніемъ нашего міропониманія мы весьма обязаны Риму.

Главнымъ образомъ діаволь играетъ колоссальную роль и описанія этого чернаго „князя тьмы“, могли бы наполнить цѣлыя книгохранилища. Даже самъ Лютеръ боролся съ чертомъ въ Вартбургѣ, а въ 1680 году, протестантскій городской священникъ Крельсгейма, М. Э. Зельцъ удалилъ изъ тѣла восьмилѣтней Агнесы Шлайхеръ „зло врага“, который хохоталъ въ животѣ ея и такъ долго оставался въ ней, пока молитвой изгнанный козлоногій вышелъ изъ тѣла ребенка въ видѣ большого глиста.

Прямо невѣроятно, что приписываютъ и какія требованія предъявляютъ къ этому бѣдному черту, но именно поэтому намъ нѣтъ надобности много о немъ говорить и мы ограничимся лишь рассказомъ о похожденияхъ Лео-Таксила, который уже въ наши дни заставилъ такъ много о себѣ говорить. Таксилъ рассказываетъ самъ: „мои сотрудники находили удовольствіе—выдумывать прямо невѣроятныя исторіи; они потѣшались надъ публикой, для которой писали. Что мы въ ближайшіе дни снова преподнесемъ добрымъ людямъ?—спрашивали они себя день за днемъ и выдумывали прямо невѣроятныя вещи. Самыя несуразныя выдумки появлялись, лишь только рѣчь заходила, чтобы дурачить и водить за носъ читателей и съ необычайнымъ весельемъ принимались; я самъ при-